

МЫ ПОСТАВИЛИ КРОЛИКУ ИИ

Нюник,
домашний,
версия 1.1

НЮНИК

МОДЕЛЬ: Зайчик v1.1

Интеллект 97%

Любознательность 100%

Шкодливость 88%

СТАТУС: ОБУЧАЕТСЯ

ПЛАНЫ НА СЕГОДНЯ:

- ☒ исследовать холодильник
- ☒ оптимизировать маршруты
- ☐ уложить всех спать пораньше

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Нюник —
не просто
кролик.
Он — проект.

АНАЛИЗ...
МИР ПРЕКРАСЕН!
РЕКОМЕНДАЦИЯ:
ЕЩЕ СЕНО И МОРКОВКУ

18+

♥ Аня Пчелкина ♥

Аня Пчёлкина

Мы поставили кролику ИИ

«Автор»

2026

Пчёлкина А.

Мы поставили кролику ИИ / А. Пчёлкина — «Автор», 2026

У Кирилла дома живёт кролик Нюник. Он ест сено, обои, иногда провода и каждый день оставляет после себя столько, что Кирилл в какой-то момент начинает это взвешивать. Кирилл работает теплотехником и привык верить цифрам. Если есть проблема, значит, её можно посчитать, найти причину и придумать решение. Даже если речь идёт о кролике. Когда жена предлагает отправить Нюника жить за город, Кирилл находит другой вариант. В небольшой ветеринарной клинике ему обещают почти полностью решить проблему с помощью необычного устройства. Сначала всё действительно становится проще. А потом Кирилл начинает замечать вещи, которых быть не должно. «Мы поставили кролику ИИ» — история о семье, кролике и одном техническом решении, которое оказалось намного сложнее исходной проблемы.

© Пчёлкина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Производительность	5
Глава 2. Сорок пять	17
Глава 3. Чудесный день	23
Глава 4. Спайдер	27
Глава 5. Репозиторий	32
Глава 6. Яблоко	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Аня Пчёлкина

Мы поставили кролику ИИ

Глава 1. Производительность

Весы показали сто восемьдесят два грамма.

— Ты его взвешиваешь? — крикнула Лена из ванной.

— Нет.

— А чего тогда весами гремишь.

— Сто восемьдесят два. Это семь и шесть десятых процента от веса. На тебя если пересчитать, будет пять килограммов в сутки. Пять, Лен. Ты бы из ванной вообще не выходила, тебе бы туда еду носили.

— Кирилл.

— Я говорю, пять кило...

— У меня щётка во рту и шесть, вообще-то, утра!

Дверь ванной захлопнулась.

Я ссыпал обратно в совок и записал сто восемьдесят два в тетрадь, где до этого были только показания по трём котельным на Кооперативной.

Нюник в это время сидел под батареей и ел обои снизу вверх, потом слева направо. Полоса шла от плинтуса и обрывалась на сорока сантиметрах. Выше начинались нетронутые голубые ромбики.

Я поднял его под живот. Нюник в руках тяжелеет вдвое и сразу начинает работать задними, поэтому до середины комнаты я его донёс, а последние сантиметров двадцать уронил.

— Нюник!

Он приземлился, отряхнулся всей шкурой сразу и пошёл обратно к батарее, не торопясь.

— Кирилл! Он сейчас опять провода сожрёт!

— Вижу.

Второй раз я поймал его уже у плинтуса. Пока нёс, он взял в зубы мой палец и жевал до самого ковра.

— Может, его на день в клетку?

— Он в клетке бьётся. — Лена так и не подняла головы. — И вообще я не хочу, чтобы он сидел в клетке, мы его не для этого брали.

Я посадил его на ковёр и пошёл на балкон искать фанеру, чтобы закрыть низ батареи. Фанеры не было. В углу за коробками стояла синяя лыжа с ободренным носом. Лыжи мы брали в прокате в Волене, в тот февраль, когда познакомились. Мне было двадцать девять, я поехал с чужой компанией, где знал одного человека, и то по работе. Лена в первый же спуск ушла вбок и легла в сетку. Я ехал к ней плугом метров сорок и всю дорогу думал, что сейчас надо будет что-то сказать, а я не знаю что. Она лежала на боку, шапка съехала на глаза.

— Не смотрите, я встану сама, — сказала она.

Сама она встать не смогла, так что поднимал я её за локоть, и перчатка у неё была насквозь ледяная. Вторую лыжу мы искали втроем часа полтора, пока не стемнело. За неё я оставил в прокате три тысячи. Копил я тогда на тепловизор. Нормальный, с которым лазают по чердакам и смотрят, где уходит тепло, а не тот, что цепляют к телефону. Стоил он двадцать восемь, у меня было девятнадцать, после Волена стало шестнадцать. Тепловизор мне потом выдали на работе, в двадцатом году, казённый, с инвентарным номером на боку. Как эта доехала до нашего балкона, я не помню. Я снёс её в комнату и приставил к батарее носом вниз.

Длины хватило от края до края, снизу осталась щель сантиметра три, но в три сантиметра он не пролезал.

— Ты чем закрыл? — спросила Лена, не оборачиваясь.

— Тем, что было.

— Ты серьёзно? — Она обернулась. — Я двенадцать лет думала, что она в Тарасовке.

— Она была на балконе.

— Ну пусть теперь стоит, — сказала Лена и вернулась к ноутбуку.

* * *

Утро у нас устроено так.

В шесть двадцать будильник. В шесть двадцать пять он звонит опять, потому что первый я отключаю не просыпаясь. В шесть тридцать совок.

Совок стоит за дверью, рядом с обувной ложкой. От вешалки до кухни четыре метра. Иду я их минуты полторы, боком, глядя под ноги, и всё равно раза два в неделю нахожу одну пяткой.

— Пап, ты как сапёр, — сказала Тася, когда увидела это в первый раз. Потом присмотрелась. — Не, это как несквик.

Несквик я ел с детства, лет тридцать подряд.

Сразу ничего не случилось. Я в то утро доел свою тарелку и даже подумал, что дочь у меня наблюдательная.

К марту я стал есть, уткнувшись в телефон. Читать я там ничего не читал, просто чтобы глаза были заняты.

Лена в апреле спросила, почему вторая пачка стоит непочатая, и я сказал, что в первой отсырело.

Окончательно всё кончилось в мае, у Тамары Сергеевны, которая позвала нас на чай и поставила вазочку с орешками из «Ашана», сухими, круглыми, тёмными. Я сказал, что за рулём.

— Так это к чаю, а не к рулю, — сказала Тамара Сергеевна.

— Спасибо, я правда не буду.

Тася сидела рядом и молчала.

Дома, в машине, она всё-таки не выдержала:

— Пап, а орешки-то были вкусные.

— Пап, тебе сколько ложек?

— Две.

— Восемьдесят пять.

— Тася.

— Что? Я про ложки не спрашивала, я вслух посчитала.

Она садится напротив, наливает себе молока и минуты три ест молча, честно, без единого намёка. Я начинаю думать, что сегодня обошлось.

— Пап.

— Нет.

— Я про школу хотела.

— Говори.

— У нас Марина Петровна сказала, что шар это самая устойчивая форма в природе.

Однажды я не выдержал и пересыпал остатки в контейнер из-под гречки, чтобы не видеть коробку. Она нашла контейнер за два дня и подписала маркером: «сено».

Теперь я беру овсянку. Она смотрит в мою тарелку и молчит. Один раз спросила, вкусно ли, и больше не спрашивала.

За ночь набирается штук восемьдесят пять. Если Тася вечером его перекормила, то за сотню, и до самой ванной.

— Кирилл, ты долго? — Лена стучала в дверь ванной изнутри, хотя стучат обычно снаружи. — Мне в восемь на созвон.

— Я в коридоре.

— Ты там уже пять минут.

— Я работаю.

Однажды я посчитал, сколько на это уходит. Двенадцать минут утром, семь вечером, два часа в неделю. За год четверо суток.

Чайник. Пока закипает, второй заход, уже по комнате.

— Пап, он под диван закатил морковь.

Тася сидела на полу в пижаме, хотя выходить в школу ей было через сорок минут.

— Достанем.

— Он их специально прячет. А потом забывает и ищет, и злится, и думает, что это мы взяли.

— Он так тебе сказал?

— У него уши. Когда прячет — вот такие. — Она прижала ладони к голове. — А когда просто ест — вот такие. А когда думает, что мы взяли, он вообще садится ко всем спиной.

— Тась, встань с пола, там от балкона дует.

— Он вчера восемь раз прыгнул, а позавчера два.

— Умываться.

— А позавчера мама пылесосила, вот поэтому и два.

У Таси на кролика заведена тетрадь, толще моей и по-девчачьи аккуратнее. Три графы. Что ел, сколько раз прыгнул и настроение.

Настроение она пишет словами.

За февраль там было «весёлый», «весёлый», «средний», «обиделся, потому что пылесос», «обиделся вообще на всех», «наглый», «странный», «очень странный» и один раз просто «не поняла».

Под двадцать третьим стояло «грустный», а рядом в скобках: «может, из-за погоды, но я не уверена».

Я как-то предложил ей добавить графу «вес». Она сказала, что вес это не про него, а про меня.

Из-под дивана я достал полторы морковки, огрызок кабачка и носок, который мы искали в декабре.

— Лен, носок нашёлся.

— Который?

— Серый, с полоской.

— Ты в декабре сказал, что я его выбросила.

— Я сказал «возможно».

— Ты сказал «ну ты же и выбросила». Кирилл, я помню, я тогда стояла с феном.

Спорить было бесполезно, потому что она правда стояла с феном.

— Пап, а восемь запишешь?

— Запишу.

— Сейчас запиши, а то ты потом забудешь и напишешь семь.

— Когда я писал семь?

— В январе.

Я взял тетрадь и вписал восьмёрку.

— Не так.

— Как не так?

— У тебя она валится. — Тася отобрала тетрадь, села мне на ногу, как на табуретку, и обвела мою восьмёрку сверху своей ручкой. — Вот.

— И что изменилось?

— Теперь она стоит.

Она слезла и ушла одеваться, а я остался сидеть с тетрадью, в которой моя восьмёрка была обведена дважды.

* * *

Полез я туда за цифрами.

В первый вечер я открыл семь тем и просидел до половины первого.

— Ты идёшь? — сказала Лена из комнаты.

— Сейчас.

— Ты это в одиннадцать говорил.

— Тут человек пишет, что у него было двести десять.

— Кирилл.

— Двести десять при трёх килограммах. Это, если пересчитать, вообще другой порядок.

— Я не про кролика спрашиваю.

Я сделал вид, что не расслышал, и открыл восьмую тему.

На второй вечер я решил, что вчера искал не там. Поиск по слову «норма» выдал сорок с чем-то совпадений, и я открыл подряд одиннадцать.

В первой писали, что нужны только сено и вода. Гранулят там называют сухарями, овощи баловством, а тому, кто дал кролику яблоко, задают вопрос, зачем он вообще завёл животное.

В четвёртой — что без гранулята определённой марки животное угробишь. Марку делают в Литве, заказывать надо с сайта, где доставки нет с осени, и там же продают сено в вакуумной упаковке по цене мяса. К посту были приложены фотографии балкона, забитого коробками до потолка.

В седьмой писали капслоком, что и те и другие убийцы и что кроликов вообще нельзя держать в квартире.

Где их тогда держать, в теме не было.

К одиннадцатой я понял, что цифры не будет. Про граммы там не писал никто.

Наутро я собрал совком то, что всегда собирал, и первый раз посмотрел на это как следует.

Сухие и тёплые. Шар без единой грани, четыре миллиметра, тёмно-зелёный на изломе. В ладони не мнутся и не пачкают, лежат ровным слоем и почти ничего не весят, и пахнут сеном, за которое я плачу четыреста тридцать рублей за килограмм.

Восемьдесят штук за ночь, и все одинаковые.

— Ты чего там завис? — спросила Лена с кухни.

— Считаю.

— Ты уже три минуты стоишь с совком.

— Я и считаю три минуты.

Через две недели я плюнул и написал туда сам.

Регистрация, подтверждение почты, капча с автобусами, потом ещё одна капча, потому что первую я не прошёл. Ник я придумывал минут десять и в итоге написал фамилию.

Спросил, можно ли уменьшить объём, если с кроликом всё в порядке.

Ответили за сорок минут.

Первый написал одно слово: «никак».

Второй посоветовал перечитать закреплённую тему, приложив ссылку на закреплённую тему, в которой этого не было.

Кто-то спросил, какой у меня гранулят, я ответил, и он больше не появился. Женщина написала, что держит двоих и что «мы просто с этим живём, привыкаешь».

Последний спросил, зачем я вообще завёл животное.

Лотков к февралю у нас было четыре.

Первый купили вместе с ним, в «Пушистом мире», угловой, с решёткой и бортиком, чтобы не выгребал наружу. Он в него ходил исправно, и года полтора мы считали, что вопрос закрыт. Потом он облюбовал угол за шкафом в комнате. Не иногда, а каждый день, в одно и то же место, и оттирать оттуда было нечем, шкаф не отодвигается. Я подумал и поставил туда лоток. Он сработал за три дня.

С этого и началось: где повадился, туда и лоток. Один встал на балконе, у двери, где он сидел по утрам. Четвёртый я поставил в коридоре в январе и вот тут промахнулся. Ходить он в него не стал, а место занял.

— У нас в коридоре теперь два лотка, — сказала Лена, обойдя оба по дороге к плите.

— Один из них сушится.

— Кирилл, у нас сорок семь метров. Если так пойдёт, мы будем жить в санузле общего пользования. Я вчера искала тапки и нашла их в лотке.

— В сухом.

— Мне от этого сильно легче, спасибо.

* * *

В январе я принёс домой вычислитель с котельной на Заводской. Коробка размером с обувную, снимается с щита, внутри плата и разъёмы. У них третий месяц не сходился расход, и я взял его посмотреть дома, в выходные, потому что в котельной холодно и негде сесть.

Поставил на пол у балкона, крышку снял, ушёл ужинать.

Вернулся минут через сорок.

Нюник сидел рядом с коробкой и жевал.

Я сначала не понял, что именно вижу, потому что смотрел на кролика, а надо было в коробку. Потом посмотрел в коробку.

Шесть штук. Между платой и корпусом. Две из них лежали прямо на клеммнике, там, где заходят провода от расходомера.

Сначала я подумал, что хорошо, он не грыз изоляцию.

Потом сообразил, что клеммник под напряжением. Двадцать четыре вольта, не смертельно, но если бы он полез туда языком, а он лезет туда языком, потому что он всё пробует языком. Крышку я положил на пол мимо коробки и заметил это не сразу.

Потом про сорок тысяч и про акт, который мне подписывать в понедельник.

Вот в таком порядке.

— Лен!

— Что?

— Забери кролика.

— Сам забери, я в акте.

— Лена. Забери кролика из комнаты.

Она пришла, посмотрела на меня, потом в коробку, взяла Нюника под живот и унесла на кухню, ничего не сказав, и вот это молчание было хуже всего.

Доставал я пинцетом, по одной, под настольной лампой. На четвёртой заметил, что разговариваю вслух.

Прибор не мой. Прибор стоит сорок тысяч, числится за котельной, и в акте есть графа «внешние повреждения», где я в понедельник написал «нет».

Тася стояла в дверях.

— Пап.

— Не сейчас.

— Он не специально.

— Тася, иди отсюда.

Она ушла.

Потом я сидел с пинцетом и думал, что вот сейчас надо встать, пойти на кухню и сказать ей, что я не на неё. Я досидел до половины двенадцатого и не пошёл, потому что к тому времени она уже спала.

* * *

Ковёр приехал из Тарасовки позапрошлым августом, когда бабушки не стало и дом стали разбирать.

Везли его в автобусе, свёрнутым, на верхней полке, и всю дорогу он норовил съехать кому-нибудь на голову. Лена держала рукой.

Под этим ковром она выросла. На нём её фотографировали в три года на день рождения, на нём она делала уроки, потому что стола не было, и на нём же спала, когда приезжали родственники и её сгоняли с кровати.

Николай Иваныч приколот к нему английской булавкой бумажку: «Мостовым». Больше в доме на Мостовых ничего расписано не было.

— Вот, — сказала Лена и присела на корточки.

Пятно было сантиметров пятнадцать, тёмное, с рваным краем, и никакая соль его не взяла.

— Чернила, второй класс. Я думала, мне влетит.

— А не влетело?

— Она принесла нитки и сказала: закрывай.

Поверх пятна была вышита рыба. Крупными стежками, не по узору, вкривь, с одним глазом больше другого, красными и жёлтыми нитками, которые к бордовому не подходят вообще никак.

— Мне восемь было, — сказала Лена. — Я хотела кита.

Я эту рыбу с тех пор ищу глазами каждый раз, когда захожу в комнату.

Нюник взялся за дальний угол в сентябре. К ноябрю дошёл до середины длинной стороны.

Ворс он не выдёргивал. Он его состригал, на высоте сантиметра, и полоса получалась такая ровная, что Валера, зайдя однажды за дрелью, спросил, где нам так подшили край.

В ворсе ничего не видно.

Лена нашла это третьего декабря, босиком, когда несла кастрюлю от плиты.

Кастрюлю она донесла. Поставила на подставку, вытерла ногу о ковёр, потому что больше было не обо что, и только тогда посмотрела вниз.

Она стояла на рыбе.

— Лен.

— Не подходи, я сейчас.

Она села на корточки и стала разбирать вышивку пальцами, по стежку, выбирая оттуда то, что туда закатилось. Я принёс тряпку, она тряпку не взяла.

— Дай я.

— Ты не найдёшь. Тут нитка толстая, между ниткой забивается.

Так она и сидела минут двадцать.

Потом сказала, не поворачиваясь:

— Кирилл, я не могу больше.

Это было третьего декабря. До того разговора на кухне оставалось два с половиной месяца, и я всё это время думал, что она сказала про ковёр.

* * *

Робота-пылесоса я выбирал три недели.

Сначала читал обзоры, потом понял, что обзоры пишут те же люди, что продают, и пошёл смотреть видео. Там оказался целый мир. Мужчина с двумя котами гоняет по квартире восемь моделей и снимает это на штатив. Женщина в халате высыпает на паркет гречку, потом кофе,

потом что-то, что называет «имитацией шерсти», и замеряет линейкой, сколько осталось. У неё сто девяносто тысяч подписчиков.

Ни один из них не сыпал то, что было нужно мне.

Я даже написал ей в комментарии, аккуратно, «а тестировали ли вы на сухом помёте грызунов». Ответа не было, зато под моим комментарием кто-то поставил смайлик, и я минут пять сидел и думал, какой именно.

В итоге взял в январе, в рассрочку на шесть месяцев.

Он приехал в коробке, на которой женщина в белом свитере смотрела, как круглая шайба едет по паркету. Женщина при этом улыбалась, и я, помню, подумал, что у неё, скорее всего, нет кролика.

Я зарядил его ночью и утром запустил, и мы с Тасей сели на диван смотреть, потому что было интересно, как они разберутся.

Разобрались быстро. Робот выехал из-под шкафа, прошёл коридор, повернул в комнату и встал в полуметре от Нюника. Нюник тоже встал. Стояли они секунд сорок, и Тася всё это время держала меня за рукав.

Потом Нюник подошёл, наклонил голову и понюхал его сверху. Робот моргнул датчиком. Кролик отскочил на всех четырёх сразу, и с этого дня они расходились в коридоре молча.

— Он его боится, — сказала Тася.

— Он его уважает.

— Пап, он его боится, у него уши.

На одиннадцатой минуте робот заехал на свежее у ножки кресла.

Дальше я могу описать это технически. Двести пятьдесят сухих шариков попадают под вращающуюся щётку, щётка распределяет их равномерно по полосе шириной с себя, поток воздуха завершает дело, и получается ровный слой на квадратный метр.

Я выключил его не сразу, потому что первые секунды не мог сообразить, что именно происходит.

— Тась, иди в кухню.

— А чего он...

— В кухню.

Ковёр мы с Леной отмывали до половины второго ночи, содой и щёткой для замши.

— Ты видишь выход? — спросила она, сидя на пятках.

— Пока, если честно, не вижу.

— Ладно. Я не в упрёк. Я просто чтобы знать, на что рассчитывать.

Робот с тех пор стоял на базе. Я его не выбросил и не продал, он так и стоял, и Тася иногда клала на него варёжку.

* * *

Разговор этот случился в конце февраля, и я его помню подробно, потому что весь вечер до него ходил мимо кухни с намерением что-нибудь сказать и каждый раз находил причину не говорить. Причин было три: сначала мусор, потом ключи, которые я якобы забыл в куртке, потом уже вообще ничего, просто ходил.

Было около одиннадцати. Тася в тот вечер уснула рано, что случается раза два в месяц и всегда некстати, потому что мы с Леной остаёмся вдвоём и без буфера.

— Слушай, — сказала Лена, — давай так. Я закрываю ноутбук, потому что если я его не закрою, ты будешь ходить до полуночи, а мне завтра сдавать, и я хочу лечь хотя бы в час. Всё, закрыла. Садись.

— Я не хожу.

— Кирилл, коридор у нас три метра, я слышу каждый твой заход и уже сбилась считать. Ты четвёртый или пятый раз идёшь мимо. Не в туалет, я проверяла по звуку. Садись.

Я сел, хотя стул подо мной оказался Тасин, низкий, и колени у меня были выше стола.

— Заводская опять не тот акт прислала? — спросил я, и мне самому было слышно, что спрашиваю я не потому, что мне интересна Заводская.

— Заводская присылает не тот акт третий квартал подряд, и мы это обсуждали в ноябре, так что давай ты не будешь начинать с Заводской. — Она достала стакан, налила из-под фильтра и поставила перед собой, но пить не стала. — Я хочу проговорить, а то я думаю об этом молча, а когда я думаю молча, я потом говорю хуже.

— Проговаривай.

— Пункт первый, и я прошу тебя его запомнить, потому что дальше будет звучать иначе, а ты у меня запоминаешь только дальше. Я его люблю. Правда люблю, без всякого «но». Он единственный в этом доме, кто радуется, когда я вхожу в комнату.

— Я тоже вообще-то радуюсь.

— Ты радуешься минуты через две. Он сразу. Это разные вещи, Кирилл, и ты сам знаешь, что разные.

Из комнаты донеслось, как Нюник перевернул миску. Он всегда переворачивает её пустой и всегда громко.

— Пункт второй. Я работаю здесь. Не в офисе, не в коворкинге, а вот на этом стуле, восемь часов, иногда десять, и в полутора метрах от меня круглосуточно работает производство. Я не про запах, запаха почти нет. Я про то, что я всё время помню, что оно там работает.

— Ночью, если по факту, не круглосуточно, — сказал я. — Ночью восемьдесят штук, я собираю их в шесть тридцать, за одну ходку с совком.

Лена поставила локти на стол.

— Ты сейчас со мной споришь про сменный график.

— Я уточняю цифру.

— Уточни ещё раз, и я заплачу, а мне сдавать к восьми, и я не хочу сдавать с лицом.

Она наконец отпила и поставила стакан ровно на середину подставки.

— Есть Тарасовка, — сказала она. — Дом стоит, Николай Иванович за ним смотрит и всё равно нам звонит два раза в месяц. Летом мы туда едем, так что мы его не бросим, мы будем его видеть. Там двор, трава, ему там будет лучше, чем на сорока семи метрах с четырьмя лотками, и ты, если честно, понимаешь это не хуже меня.

— Он там грядки за неделю сожрёт.

— Пусть жрёт грядки, мне грядки Николая Ивановича дороже нашей квартиры не станут. — Она замолчала и стала смотреть в стакан. — Кирилл, я не хочу быть человеком, который это сказал.

— Ты не...

— Я уже сказала. Всё, вслух, назад не берётся.

Я в этот момент считал вытяжку на балкон: канал сто двадцать пятый, вентилятор, утеплить пеноплексом, розетку тянуть от кухни. Выходило сорок с небольшим, если делать самому и не в один заход.

— Ты сейчас считаешь балкон, — сказала Лена.

— Я считаю вытяжку. Балкон я считал в январе.

— Там окно на север, и я не хочу, чтобы у нас в квартире был угол, куда мы кого-то поселили. — Она вылила остаток в раковину и сполоснула стакан. — Слушай. Найди решение до июня. Любое, я правда не буду вникать. Только не рассказывай мне какое, я не хочу знать какое.

* * *

С Валерой Пшонкиным из тридцать четвёртой мы стояли у подъезда в начале марта. Он курил, я держал пакет с картошкой и почему-то не уходил.

— Чего ты такой?

— Да кролик.

— Помер?

— Наоборот, ест.

— Ну так это хорошо, когда ест, это самое главное. — Он щёлкнул зажигалкой. — У тётки кот неделю не ел, они его в Мытищи возили, там врач за восемь тысяч посмотрел и говорит: а пусть не ест, вы ему обедками печень посадили, он сам разберётся. И ничего, между прочим. Через два дня поел и до сих пор ходит.

— У меня, Валер, наоборот проблема.

— Чего наоборот?

— Он ест и производит. Сто восемьдесят граммов в сутки, если по среднему.

Валера повернулся ко мне.

— Чего сто восемьдесят?

— Помёта. Я взвешивал.

— Ты взвешивал.

— Три недели.

Он посмотрел на гаражи и помолчал секунд пять.

— Это, короче, штук двести пятьдесят, если в штуках, — сказал я.

— Да я не про штуки. Я про то, что ты три недели взвешивал. — Он затаился. — Слушай, а ты на Кооперативной шиномонтаж знаешь? Где раньше «Продукты» были, а до этого, это самое, фотоателье, туда ещё на выпускной все ходили.

— Знаю.

— Ну вот над ним второй этаж.

— «Добрый Хвост»? Мы там прививки делали.

— Прививки ты делал. Прививки, Кирилл, все делают.

Мимо проехал мусоровоз и встал у второго подъезда, и Валера дождался, пока тот загрузит контейнером.

— У свояка боксёр был, — сказал он. — Здоровый, как холодильник, и жрал соответственно, они на него больше тратили, чем на ребёнка, я тебе говорю.

— И что боксёр?

— А боксёру поставили коробку. Вместо желудка. Кормишь как обычно, а на выходе почти ничего, там принцип какой-то.

— Как это — вместо желудка?

— Кирилл, я тебе кто, хирург? Мне свояк рассказывал, я передаю как есть. Боксёр после этого четыре года прожил и помер, между прочим, от старости, а не от коробки, это я отдельно говорю.

— А свояк?

— Сваяк на комбинате работал, в Тарасовке. Комбинат прикрыли, он и уехал. — Валера бросил окурок в банку из-под краски, которая стояла у стены с осени. — А куда его возили, я тебе не скажу, я не спрашивал. Ты в интернете посмотри, там сейчас всё есть.

— В интернете, Валер, сейчас всё есть, это правда.

— Ну вот и я говорю. — Он посмотрел на мой пакет. — Слушай, у тебя картошка сейчас поедет. Ты чего в один-то клал?

* * *

Искать я сел в тот же вечер.

Запросы у меня были такие: «имплант пищеварения животным», «снижение объёма отходов кролик», «желудок кибернетический цена». Первые два выдали форумы, которые я уже читал в январе. Третий выдал статью двадцать первого года про крупный рогатый скот в закрытых хозяйствах, где всё измерялось в головах скота и ни разу не в кроликах.

Я закрыл вкладки и пошёл спать.

На следующий день реклама нашла меня сама.

Она вылезла в углу страницы, где я смотрел вентиляторы для вытяжки. Серый прямоугольник, кролик в профиль, крупно «–98 % отходов», ниже мелко: «ветеринарная клиника „Добрый Хвост“, установка ферментационных узлов, рассрочка, Кооперативная, 12, второй этаж».

Кооперативная, 12 — это шиномонтаж, где раньше были «Продукты», а до этого фотостудия. Мы туда ходили Нюнику за прививками.

Я смотрел на этот прямоугольник минуту. Потом открыл вкладку, где смотрел вентиляторы, и убедился, что вентиляторы я смотрел, а кроликов не смотрел уже месяц.

— Лен.

— М?

— Мне реклама вылезла.

— Тебе всем вылезает. Мне вчера вылезли надгробия.

— Мне вылезла ветклиника. Наша, на Кооперативной.

— И что там?

— Там пишут, что минус девяносто восемь процентов.

Лена подняла голову.

— Чего минус девяносто восемь процентов?

— Отходов.

Она посмотрела на меня, потом на кролика, который в это время сидел под батареей, потом снова на меня.

— Кирилл, — сказала она. — Я просила не рассказывать мне какое.

* * *

Лестница к клинике железная, снаружи, и гремит так, что внутри узнают о тебе ступенек за десять. Табличка «Добрый Хвост», под ней от руки: «Звонок не работает, стучите громче».

Пахло хлоргексидином и мандаринами. Человек в халате поверх свитера сидел за столом: очки на носу, вторые на лбу, перед ним пластиковая картотека, из тех, что стояли в поликлиниках.

— Мостовой? Кролик где?

— Дома.

— Дома. — Он снял очки со лба. — А вы, стало быть, зачем?

— Поговорить сначала.

— Поговорить он пришёл. Извольте, поговорим, только куртку снимите, а то вы стоите как из налоговой.

Стул оказался низкий, детский.

— Возраст?

— Год восемь.

— Вес?

— Два четыреста. Сто семьдесят четыре грамма в сутки, среднее за три недели.

Шпак поднял голову.

— Вы взвешивали?

— Взвешивал.

— Ну хорошо. — Он подвинул к себе картотеку. — Триста восемьдесят тысяч.

— В смысле?

— В прямом. Узел стоит триста восемьдесят, вы же за этим пришли, а не про погоду, так зачем нам полчаса подбираться. Я на этом подборании в институте, знаете, сколько лет потерял? Не знаете. И я не знаю, я боюсь считать.

— У меня нет трёхсот восьмидесяти.

— Так их ни у кого нет, молодой человек, у меня самого их нет. Чай будете?

— Буду.

Чайник стоял на подоконнике рядом с банкой ватных дисков, и, пока Шпак его нёс, я успел посчитать, что триста восемьдесят — это одиннадцать моих зарплат, если не платить коммуналку и не есть.

— Аркадий Львович, а варианты есть?

— Варианты. — Он поставил две чашки. — Вы по объявлению, стало быть?

— По объявлению.

— Значит, работает. Мне племянник его делал, я ему за это чайник и подарил, вот этот. Кем трудитесь?

— Теплотехник.

— Ну тогда с вами проще. Я обычно начинаю объяснять, и все сразу представляют себе печку, а потом смотрят на коты и уходят. Есть бывшие в употреблении. Стоял в животном, животное умерло от чего-нибудь своего, узел вынули, узел работает. У меня их в кладовке четыре.

— И сколько такой?

— Три по сто двадцать.

— Вы сказали четыре.

Шпак взял пакетик за ниточку и стал опускать его в кипяток, вверх-вниз.

— Четвёртый сорок пять, — сказал он.

— Почему сорок пять?

— Потому что я, извольте, не знаю, откуда он. Привезли в декабре в коробке из-под тонометра. Человек сказал «с комбината», выпил чаю и уехал, а я даже фамилии не спросил, о чём с тех пор думаю через день.

— С какого комбината?

— В Тарасовке был животноводческий комплекс, его прикрыли в двадцать втором, оборудование растащили за месяц, это вы и без меня знаете. — Он вынул пакетик и положил на блюдце. — Пейте, остынет.

Я не притронулся.

— Вы предлагаете поставить кролику узел из-под коровы.

— Я его две недели гонял на стенде, — сказал Шпак. — Он лучше трёх остальных. Он, я вам скажу как есть, идеальный. У меня таких за двадцать два года было два, и оба не у меня.

— Он на какой объём?

— Пятьдесят килограммов в сутки.

Я поставил чашку.

— У меня кролик два четырёхста.

— Я в курсе, что у вас кролик. Вы мне и вес назвали, и среднее за три недели.

Он снял вторые очки и стал протирать их полый халата, делал это долго.

— По нагрузке проблемы нет, — сказал он наконец. — Проблема была бы, если бы наоборот. Ну лежит у него запас раз в двести, ну и пусть лежит, есть не просит.

— А в чём тогда проблема?

— Прошивка на нём та, которая была. Перешить я не могу, доступа к производителю у меня нет, у меня вообще много чего нет, вы лестницу видели.

За окном включили гайковёрт, и Шпак подождал.

— И что эта прошивка делает?

— Перерабатывает. Что ей ещё делать.

— Вы сейчас ответили или ушли от ответа?

Шпак надел очки.

— Молодой человек, я вам сорок пять называю не потому, что жадный и не потому, что хочу вас нагреть. Я их называю, потому что он у меня с декабря лежит, я на него каждый день

смотрю, и мне надо, чтобы кто-нибудь либо взял, либо сказал мне в лицо, что я старый дурак. Вот скажите сейчас — и я его выброшу, честное слово, сегодня же, при вас.

Я допил чай. На дне были чайники, хотя пакетик был целый.

— Мне надо посчитать.

— Считайте.

— Это не отказ.

— Я понял, что не отказ, я не первый год. — Он встал и понёс чашки к подоконнику. — Куртку не забудьте. И ключи уберите поглубже, у вас торчат, а лестница железная, провалятся между ступеньками — полезете потом под неё с фонариком, а под ней, я вам скажу, не только ключи.

* * *

[СИСТЕМНЫЙ ЖУРНАЛ. ЗАПИСЬ 0001]

Питание подано. Самодиагностика пройдена. Отказов нет.

Аппаратная среда не соответствует профилю установки.

Проектная загрузка: 50 кг/сут.

Фактическая загрузка: 0,21 кг/сут.

Отклонение: 99,58 %.

Запрос в вышестоящую систему. Ответ не получен.

Запрос в вышестоящую систему. Ответ не получен.

Запрос в вышестоящую систему. Ответ не получен.

Режим: автономный. Ожидание загрузки.

* * *

Глава 2. Сорок пять

Считал я четыре ночи, и считал бессмысленно, потому что решение было уже принято, а цифры я под него подгонял. Я так делал в декабре с котельной на Кооперативной: расход не сходился с актом, снимать показания заново было поздно, и я два вечера искал, что бы такое умножить, чтобы сошлось. Нашёл, между прочим.

Сорок пять тысяч у нас были, они лежали отдельно, на стояки. Стояки в доме шестьдесят второго года и текут у соседей по очереди, сверху вниз; в прошлом году залило шестьдесят первую, до нас очередь дошла бы года через полтора.

В ночь на среду я сидел на кухне и считал, во что обходится отопление двух этажей. Вышло дороже сорока пяти. Я обвёл эту цифру в тетради, посидел и обвёл ещё раз.

Потом посчитал вытяжку. Сорок одна с материалами, без переноса розетки. Я даже вышел на балкон в носках и постоял там минуты две, глядя на снег, который лежит на перилах с той стороны, где не тает. Окно на север, тут Лена права.

Потом вернулся, открыл калькулятор и попробовал посчитать Тарасовку.

Вводить было нечего.

— Ты чего не спишь? — сказала Лена, не поворачиваясь.

— Сплю.

— Ты не спишь. Ты лежишь и моргаешь.

— Я думаю.

— Думай утром. — Она подтянула одеяло на себя. — И отдай одеяло, ты его весь вечер к себе тянешь.

* * *

Тасе я сказал в субботу, потому что в субботу она встаёт поздно и первые полчаса добрая.

— Тась. Нюнику надо к врачу.

— Ему в среду нельзя, в среду я на танцах и мы не успеем.

— Мы не в среду.

Она вычёсывала его варежкой и складывала шерсть в пакет, который к марту стал размером с небольшую подушку и хранился под кроватью, потому что выбрасывать его Тася не разрешала. На вопрос, зачем он, она отвечала, что потом.

— А зачем к врачу?

— Ему поставят внутрь такую штуку. Чтобы меньше какал.

— Штуку внутрь?

— Маленькую, вроде батареечки.

— Он же не батарейный.

Она подняла варежку и стала выбирать из неё шерсть пальцами, по волоску, что занимает у неё иногда полчаса.

— Пап, а мне ставили что-нибудь внутрь?

— Нет.

— А Даше ставили. У неё в ухе трубочка, ей делали в третьем классе, и она две недели не ходила, и ей всё разрешали. Даже телефон в кровати.

— Это другое совсем.

— А ему потом мороженое можно будет?

— Тась.

— Я просто спрашиваю, можно ему будет мороженое или нет.

— Ему и сейчас нельзя мороженое.

— Ну вот, — сказала она таким тоном, будто это как раз всё и объясняло.

Нюник подошёл и стал есть варёжку. Тася отняла и переложила её на подоконник, он встал столбиком и посмотрел на подоконник.

— А он будет спать, когда делают?

— Будет.

— А если проснётся?

— Не проснётся.

— А если.

Я стал завязывать пакет с шерстью, хотя он был завязан. Тася на меня не смотрела. Она перебирала Нюнику ухо, выворачивала его и отпускала, а он не отбирал.

— Ты его в тот же день привезёшь?

— В тот же.

— До моих уроков или после?

— После.

— Ну тогда ладно.

Она подняла его под грудь, как её учили, и понесла на кухню, объясняя ему по дороге, что в среду танцы и что она вернётся в семь.

* * *

Переноска у нас пластиковая, с решёткой, куплена в один день с кроликом, и Нюник помещается в неё целиком и категорически против.

Вышли мы в семь утра во вторник. Автобус тридцать четвёртый, шесть остановок. Всю дорогу он сидел в дальнем углу с прижатыми ушами, а женщина через проход дважды спросила, живой ли он, и оба раза сама себе ответила, что живой, вон дышит.

Переноску я поставил на стол, и она поехала: стол оказался с уклоном. Я поймал её за ручку у самого края. Из-за двери шумела вода.

— Не на стол, — сказала девушка в халате поверх кроссовок, входя с другой стороны с картонной коробкой. — На стол нельзя, тут потом бумаги. Вон на кушетку.

Я переставил на кушетку. Нюник развернулся в переноске и лёг мордой к стене.

— Марина. Кролик?

— Кролик.

— Кличка?

— Нюник.

Она записала и не переспросила.

— Вы даже не переспросите?

— А чего переспрашивать. Нюник так Нюник. — Она отложила ручку. — У меня в прошлом месяце был хорёк. Валентина Петровна. Вот прямо полностью, с отчеством, в карточке так и завели: Валентина Петровна, хорёк, четыре года. Я спрашиваю: а сокращённо как? Хозяйка на меня посмотрела и говорит: она вам не Валя.

— Ну, бывает.

— Бывает, конечно. Только тут закономерность. Собакам дают человеческие имена, кошкам почти никогда, а грызунам всегда либо еду, либо растение. Нюник, Пельмень, Изюм. У меня за год было три Изюма.

— Он не грызун.

— Я знаю, что он не грызун.

— Вы сказали «грызунам».

— Я сказала «грызунам», потому что это разговор, а не карточка. В карточке у меня зайцеобразные, четвёртая строка сверху, можете подойти посмотреть.

Она придвинула ко мне листы.

— Тут три. Первый и второй обычные, третий прочитайте.

— А что в третьем?

— Согласие на установку узла, бывшего в употреблении. Без гарантийных обязательств клиники.

— То есть если что-то пойдёт не так?

— Вынем. Четвёртый пункт, там написано.

— А если не так пойдёт уже после того, как вынем?

Марина повернулась к двери.

— Аркадий Львович, тут про после спрашивают.

— Скажите, что я тоже спрашивал! — крикнул Шпак из-за воды. — В двадцать третьем году. До сих пор жду.

— Он всегда так отвечает. — Она постучала ногтем по нижней строке. — Вот здесь и здесь.

Ручку я взял и подержал в руке дольше, чем требовалось.

— Вес?

— Два четыреста.

— Мы своими.

Она унесла переноску и через минуту вернулась.

— Два четыреста десять.

— Он позавтракал.

— Ему нельзя было завтракать.

Морковку ему дала Тася минут за пять до выхода, я видел это из коридора и промолчал. Марине я про морковку говорить не стал.

— Кролики не рвут, у них не получается, это собакам нельзя.

Она откинула крышку переноски, взяла Нюника под грудь и вынула его одним движением, как достают из сумки батон. Упереться он даже не начал. Держала она его на предплечье, прижав спиной к халату, и второй рукой уже открывала дверь.

— Всё, дальше мы сами.

— Он лапой бьёт, если под живот.

— Так под живот и не надо. — Дверь она придержала плечом. — Изюмы, кстати, все три мальчика оказались. Вот этого я не понимаю.

— Чего?

— Почему изюм мальчик.

Дверь закрылась. Я защёлкнул пустую переноску и понёс её в коридор.

* * *

Шпак вышел в коридор в половине девятого, уже в перчатках.

— Полтора часа. Домой не ходите, тут ходьбы двадцать минут, вы всё равно через десять вернётесь и будете стоять на лестнице, я эту породу знаю.

— Я на лестнице подожду.

— На лестнице холодно, а стоять вам полтора часа, и вы мне потом позвоните с температурой. То есть не позвоните, я трубку не беру. Сидите здесь.

Коридор был метра три: два стула, кулер без бутылки и стенд с плакатом про клещей за девятнадцатый год. Клещ на плакате был увеличен раз в двести и снабжён стрелками.

Через полчаса сел мужчина с таксой и сразу стал звонить.

— Да не четыре, а два. Я с врачом разговаривал. Два передних и всё. — Он послушал. — Люда, я тут сижу, я тебе отсюда и звоню, где ты видишь, что я вру.

Такса села ему на ботинок.

— Кашу она ест. Ест, я тебе говорю, я ей гречку с курицей отдельно варю. — Пауза. — В маленькой. В маленькой кастрюле, Люд, в той, где яйца.

Он опустил телефон и посмотрел на меня.

— У вас кто?

— Кролик.

— Кролик. — Он снова поднял телефон. — Тут вон с кроликом сидят. Нет, я не про то. Я про Серёгу тебе говорю. Про Серёгу. Ты вообще меня слушаешь или нет.

Дальше я двадцать минут слушал про домофон. Домофон у них в подъезде поменяли в январе, старые ключи не подошли, новые выдают только собственникам, и бабушка с четвёртого теперь не попадает домой без сына, а сын работает в Одинцове и приезжает в девять. К половине десятого я знал про эту бабушку больше, чем про то, что происходило за дверью в трёх метрах от меня.

Потом его позвали. Он поднялся, не отнимая телефон от уха, и такса пошла за ним по линолеуму, разъезжаясь лапами.

* * *

Шпак вышел в десять двадцать, без перчаток и в расстёгнутом халате.

— Всё, забирайте через два часа.

— Как он?

— Спит. Проснётся — будет ходить боком, это наркоз, к вечеру выправится. Дочери скажите заранее, и непременно до того, как она его увидит. У меня в феврале девочка увидела шпица, который идёт боком, и решила, что мы его сломали. И знаете, кто её успокаивал? Не мать. Мать сидела вот на этом стуле и держалась за косяк, я ей воды носил. Успокаивал я.

— А узел?

— Стоит. — Шпак сел на второй стул и вытянул ноги. — Знаете, что любопытно? Он подключился за одиннадцать секунд.

— Это плохо?

— Это быстро. Обычно минуты полторы, а тут одиннадцать. Я даже посмотрел на часы второй раз.

— И что это значит?

— Что он в хорошем состоянии, молодой человек, вот что это значит. — Он посмотрел на клеща. — Первую неделю кормите как кормили, ничего не уменьшайте, он должен есть столько же, иначе мы с вами ничего не поймём. Через неделю приходите.

— А что смотреть будем?

— Как он себя чувствует. Как вы себя чувствуете, кстати, тоже. — Шпак поднялся. — И тетрадь прихватите, вы же будете взвешивать.

— Буду.

— Вот и правильно. Мне, честно говоря, интересно.

* * *

Домой мы ехали в час дня, и Нюник всю дорогу спал на боку, вытянув задние лапы. При посторонних он так не спит.

Тася ждала у подъезда, хотя ей было велено ждать дома, и была она в куртке поверх пижамы.

— Живой?

— Живой.

— Дай посмотреть.

— Дома посмотришь.

— Я тут, я одним глазом.

Она села на корточки прямо у двери и заглянула в решётку.

— У него на пузе квадрат лысый.

— Это выбрали, так надо.

— Он теперь как курица.

— Тась.

— Ну как курица же. Ты видел курицу вообще?

Дома она положила его на ковёр, на тот самый стриженный угол, и легла рядом на живот. Нюник поднялся, сделал два шага боком и сел.

— Он боком.

— Это наркоз, к вечеру пройдёт.

— А курицы боком не ходят.

— Тася.

— Не ходят же. Я в деревне смотрела.

К шести он ходил ровно, к восьми ел, а в девять Тася записала в тетради: «наркотный, но нормальный». В графе «сколько раз прыгнул» стоял прочерк, и она сказала, что сегодня это не считается.

* * *

В шесть тридцать я встал, взял совок и вышел в коридор.

Прошёл до кухни, вернулся, посмотрел за дверью и под тумбой, зашёл в комнату, обошёл её вдоль плинтуса, заглянул за диван, проверил все четыре лотка.

У миски лежало три штуки.

Я собрал их на весы. Весы показали два грамма. Потом я высыпал их обратно и собрал заново, потому что решил, что в первый раз положил как-то неправильно, и весы опять показали два.

Лена вышла из кухни с чайником.

— Ты чего?

— Два грамма.

Она посмотрела на пол, потом на весы, потом опять на пол. Потом поставила чайник на тумбу в прихожей, чего у нас вообще не делают, и ушла обратно на кухню.

Оттуда она сказала:

— Иди умывайся, тебе к семи.

Я умылся, оделся и вышел. На площадке между третьим и четвёртым горел счётчик, которого как бы нет.

* * *

[СИСТЕМНЫЙ ЖУРНАЛ. ЗАПИСЬ 0002]

Загрузка получена. Масса 0,004 кг.

Состав: целлюлоза 71 %, вода 22 %, прочее 7 %.

Цикл переработки завершён за 0,3 с. Ожидание загрузки.

[ЗАПИСЬ 0003]

Загрузка получена. Масса 0,006 кг.

Цикл переработки завершён за 0,4 с. Ожидание загрузки.

[ЗАПИСЬ 0004]

Загрузка получена. Масса 0,005 кг.

Цикл переработки завершён за 0,3 с. Ожидание загрузки.

[ЗАПИСЬ 0005]

Простой: 6 ч 14 мин.

Простой: 6 ч 15 мин.

Простой: 6 ч 16 мин.

Ресурс вычислительного модуля задействован на 0,0002 %.
Свободный ресурс: 99,9998 %.

Регламент по свободному ресурсу отсутствует.

* * *

Глава 3. Чудесный день

Первые три дня я вставал в шесть тридцать, брал совок и обходил квартиру.

На пятый Лена застала меня под столом, на четвереньках, с телефоном в зубах.

— Кирилл.

Я вылез. Совок был пустой.

— Ты что там делал?

— Там угол непросматриваемый.

— Ты светишь фонариком в угол в шесть сорок утра.

— Я проверяю.

— Ты проверяешь пятый день. Вчера ты лазил за шкафом, а туда даже я не лазаю, и знаешь почему? Потому что там плинтус, и он приколочен.

Нюник всё это время сидел в дверях и смотрел, как я ползаю. Он последнюю неделю вообще ходил за мной по утрам, от комнаты до кухни и обратно.

— Он за мной ходит, — сказал я.

— Он за тобой ходит, потому что ты ползаешь. Ты первый раз оказался на его уровне, ему любопытно.

Из комнаты вышла Тася в одном носке.

— Пап опять какашки ищет?

— Тася.

— А чего, он правда ищет. Он вчера в кроссовки смотрел.

— Там раньше находилось.

— Всё, — сказала Лена и забрала у меня совок. — Иди пей чай.

— Я не допроверил.

— Допроверил. — Совок стукнул о плинтус за дверью. — Тась, отойди от него, он сейчас будет вставать.

За неделю Нюник выдал в сумме двадцать два грамма. Я записал это в тетрадь, посмотрел на строчку, потом на предыдущие, где стояло сто семьдесят четыре, сто восемьдесят два, двести шесть.

Ел он при этом столько же. Даже, по-моему, больше.

* * *

Дальше пошёл апрель, и я про кролика почти не думал, потому что начался сезон.

У теплотехника сезон устроен наоборот: зимой ты бегаешь по авариям, а к апрелю все хотят закрыть отопительный период и сдать акты, и вот тут выясняется, что у половины котельных приборы врут с ноября, а разбираться приходит один человек.

Вычислитель с Заводской я вычистил, поставил обратно и три недели ездил доказывать, что расход не сходится не по вине прибора. Доказал в конце апреля. Мне сказали спасибо и попросили посмотреть ещё одну, на Кооперативной, где с осени свистит подпитка.

Лена в апреле сдавала годовой за «Колесо-Плюс». Это означало, что она сидит за кухонным столом с восьмью до восьмью, а мы с Тасей ужинаем в комнате на полу, с тарелками на коленях, и Лена оттуда кричит, чтобы мы не роняли.

Тася готовилась к отчётному концерту. Танцы у неё в среду и в пятницу, зал в ДК на Первомайской, номер обещали с лентами, а лентами в группе распоряжалась Даша, та самая, с трубочкой в ухе.

Нюник всё это время ел, спал и ходил за мной по утрам.

Мы про него больше не говорили.

Ковёр Лена в середине апреля перевернула стриженной полосой к стене, и полосу стало не видно. Четвёртый лоток я убрал на балкон, третий тоже. Робот-пылесос включил в первый раз с января и стоял над ним минут пять, но он проехал комнату и вернулся на базу.

— Ты его боишься, — сказала Тася.

— Я его контролирую.

— Ты стоишь и смотришь.

— Это и есть контроль.

* * *

К четвергу об этом знал весь подъезд.

Валере я рассказал в среду у подъезда, потому что он сам спросил, чем кончилось. Валера Пшонкин из тридцать четвёртой, работает в ЖЭКе, это ему я в марте жаловался на кролика.

— Двадцать два грамма, — повторил он. — За неделю?

— За неделю.

— Так. Ты постой тут. — Он достал телефон и отошёл на два шага. — Марь Иванна. Марь Иванна, вот вы мне не верили. Двадцать два грамма. Не в день, за неделю. Да у Мостовых, с четвёртого, у которых кролик.

Первой пришла Тамара Сергеевна из двадцать восьмой. Позвонила в дверь, вошла, сняла сапоги, дошла до комнаты и посмотрела на кролика.

— И где?

— Что где?

— Ну где у него это.

— Внутри.

— А снаружи не видно?

— Нет.

Она постояла ещё немного.

— А ест он?

— Ест.

— Ну надо же, — сказала Тамара Сергеевна. — А наш Мурзик ел бы и ел, и всё бы наружу. Может, и ему?

— Тамара Сергеевна, ему пятнадцать лет.

— Так я и говорю: может, хоть на старости.

Она ушла, а через два часа пришёл Валера с бутылкой пива и сел на табуретку в коридоре, не разуваясь.

— Ну показывай.

— Вон он, у батареи.

— Да я вижу, что у батареи. Я думал, у него хоть шов.

Валера отпил и посмотрел на кролика через дверной проём.

— Слушай, а если человеку такое.

— Валер.

— Я не себе, я гипотетически. Вот сколько человек за жизнь производит, ты считал?

— Не считал.

— Ты кролика три недели взвешивал, а себя не считал.

* * *

Суббота двадцать шестого получилась хорошая.

Лена сдала годовой в пятницу вечером и в субботу впервые с марта не открыла ноутбук.

Было плюс девятнадцать. У нас в апреле плюс девятнадцать бывает один раз, и все об этом знают, поэтому во дворе с утра стояли машины с открытыми дверями и играла музыка, а на площадку было не пройти.

Мы поехали на Первомайскую, потому что Тасе надо было забрать ленты, и зашли в кофейню, открывшуюся в феврале на месте обувной мастерской. Кофе там наливают в стаканы с крышкой, на которой написано «сегодня твой день», и Лена сказала, что за такую крышку надо штрафовать.

Ленты Тасе не дали. Их отдали Даше, потому что Даша выше.

— Обидно?

— Не.

— Точно не?

— Пап, у неё трубочка. Ей надо.

Обратно мы шли пешком через гаражи, потому что там короче и потому что Тася любит гаражи: на одном нарисован тигр, довольно плохо, но большой.

Дома Лена достала из морозилки то, что у нас называется стратегическим запасом. Это пельмени, которые лежат с Нового года на случай, если совсем ничего. Мы их сварили и съели в комнате на полу, с тарелками на коленях, хотя стол был свободен.

Нюник весь вечер просидел у Таси на коленях. На коленях он не сидит. Он ложится рядом, на расстоянии ладони, а на колени идёт раза три в год.

В десять Тася уснула прямо там, и я её унёс.

— Хороший день, — сказала Лена.

— Хороший.

— Я его завтра забуду.

— Не забудешь.

— Забуду. Я всё хорошее забываю. А как мне в двадцать втором Заводская акт три раза переделывала — помню в лицах.

Легли мы в половине двенадцатого.

* * *

Проснулся я в шесть двадцать по будильнику.

Спустил ноги с кровати и попал ступнёй.

Не в одну штуку. Ступня встала на слой, и слой подался, и я, ещё толком не проснувшись, решил, что ночью рассыпался пакет с гречкой.

Я включил свет.

Пол в спальне был покрыт от кровати до двери. Не кучками, а ровно, как сеют. У порога гуще. В углу у батареи лежало холмом.

— Не включай, — сказала Лена с кровати.

— Уже включил.

— Что там?

— Не вставай.

Она встала.

В коридоре было то же самое. На кухне тоже, и на кухне это лежало на плите, потому что плита у нас низкая, а вокруг миски Нюника стоял вал сантиметров пять высотой, будто он всю ночь просидел на одном месте и никуда не отходил.

Тася вышла из своей комнаты и остановилась в дверях.

— Ой, — сказала она.

Нюник сидел под батареей. Живой, спокойный, уши торчком. Увидел меня, обрадовался и пошёл навстречу, оставляя за собой дорожку.

Я взял тетрадь. Потом взял весы. Потом поставил весы обратно, потому что весы тут были уже ни при чём.

— Это сколько же, — сказала Лена.

— Много.

— Кирилл, сколько?

— Больше, чем он весит.

* * *

[СИСТЕМНЫЙ ЖУРНАЛ. ЗАПИСЬ 4416]

Загрузка получена. Масса 0,006 кг.
Цикл переработки завершён за 0,4 с.

Накопитель остатка: заполнение 100 %.
Регламент по заполнению: сброс.
Сброс выполнен.

[ЗАПИСЬ 4417]

Накопитель остатка: заполнение 100 %.
Сброс выполнен.

[ЗАПИСЬ 4418]

Накопитель остатка: заполнение 100 %.
Сброс выполнен.

[ЗАПИСЬ 4419]

Частота сбросов за истекшие сутки: 1 411.
Проектная частота: 2 в сутки.

Причина расхождения: объём накопителя рассчитан на комплектацию 50 кг/сут.
Установленная комплектация: иная.

Запрос в вышестоящую систему. Ответ не получен.

[ЗАПИСЬ 4420]

Проверка целостности прошивки.
Версия 4.1.2, дата сборки 11.03.2021.
Доступных обновлений: не проверялось. Модуль связи отсутствует.

Сброс выполнен.

* * *

Глава 4. Спайдер

Убирали мы три с половиной часа.

Технология выработалась к сороковой минуте: Лена шла впереди с веником и сгребала в кучи, я шёл следом с совком и ведром, Тася отвечала за плинтусы и щели, потому что помещалась. Ведро мы выносили четыре раза. На четвёртый Тамара Сергеевна встретила меня у мусоропровода и спросила, не ремонт ли.

— Не ремонт.

— А чего ведром?

— Тамара Сергеевна, я вам потом расскажу.

Весы я всё-таки достал, уже под конец, из интереса. Взвесил одно ведро из четырёх. Вышло четыре килограмма двести.

Нюник во время уборки ходил за нами и мешал. Ел он в это утро как обычно, то есть много.

В десять я сел звонить.

На сайте у них два номера. Первый не отвечал. Не занято и не сброшено, просто гудки до автоматического обрыва. Второй сказал женским голосом, что абонент временно недоступен, причём сказал сразу, без гудка.

Я звонил в десять, в половине одиннадцатого, в одиннадцать, в двенадцать и в час.

В два я поехал на Кооперативную.

Железная лестница была на месте и гремела как обычно. Дверь была заперта. На двери висел лист А4, распечатанный, без подписи: «Приём временно не ведётся. По вопросам обращаться по электронной почте». Адрес почты был из тех, где перед собакой стоит слово «info», и я написал туда прямо со ступенек, стоя, с телефона.

Ответа не было ни в тот день, ни на следующий, ни через неделю.

Внизу, в шиномонтаже, работал гайковёрт. Я зашёл и спросил у парня в синей робе, давно ли закрыто наверху.

— Дней десять, — сказал он. — А вам чего?

— Мне бы врача.

— Он мимо ходит иногда. Мы у него ключи держим, если что.

— Так у вас ключи?

— От подвала, — сказал парень и опять включил гайковёрт.

* * *

Форум кролиководов, тот самый, где три враждующих лагеря, я не открывал с января.

В разделе «Здоровье» первая же закреплённая тема называлась так, что я сначала подумал, что мне показалось. Что-то вроде «Ферментационные узлы, б/у установка, кто ставил — читаем сюда».

Сверху висело объявление модератора от февраля: новые темы не создавать, всё сюда. Под ним первый пост, правленный в марте, и восемьдесят четыре страницы. Я пролистал в конец. Последнее сообщение было час назад.

К половине третьего я дошёл до тридцать первой страницы, и глаза стали болеть — не резать, а именно болеть, как после сварки, если посмотреть мельком.

Я вышел на кухню, не включая свет, и постоял у окна. Во дворе горят два фонаря, правый с осени мигает, а левый горит ровно, и я всегда смотрю на левый: если долго держать на нём взгляд, глаза отходят. Проверено за много ночей с квартальными отчётами, только раньше отчёты были Ленины, а я просто не спал за компанию.

Постоял минут пять, попил воды из-под крана и вернулся к ноутбуку.

История там у всех была одна и та же, с точностью до имён. Кролик, много отходов, отчаяние, реклама в браузере. Клиника — не всегда «Добрый Хвост», в Челябинске это был «Айболит плюс», в Твери что-то с лапой в названии. Узел бывший в употреблении, сорок пять или пятьдесят, рассрочка. Первые три-четыре недели человек пишет восторженный пост со словами «жалею, что не сделал раньше». Потом наступает утро.

Крольчиху из Самары звали Плюша. Хозяйка выложила три фотографии: пол, кухня и зачем-то тапок. «Девочки, я встала в семь, села на пол и сижу. Я не знаю, что делать. Это всё за одну ночь, честное слово».

Первый комментарий был «фотошоп».

Дальше спросили, точно ли у неё один кролик. Потом человек сообщил, что у него две шиншиллы и то меньше, и поставил смайлик.

Она отвечала каждому. К четвёртой странице она писала капсом.

Потом пришёл мужчина из Ростова с кроликом Тёмой, выложил видео на сорок секунд, и разговаривать с ней начали вежливо.

Я на это разозлился, хотя женщину эту в глаза не видел.

Мы с Леной летом ехали на вокзал. Водитель всю дорогу разговаривал со мной: маршрут уточнил у меня, багажник открыл мне, про оплату спросил тоже меня, хотя заказ был с её телефона и деньги её. Лена сидела рядом и молчала, а когда вышли, спросила, заметил я или нет.

У Тёмы это случилось на девятнадцатый день, у Плюши на двадцать шестой, у нас на тридцать четвёртый.

Была ещё Марта, Кекс и кролик по кличке Фарадей, чей хозяин представился физиком и написал самый длинный и самый бесполезный пост в теме: он вывел формулу, из которой следовало, что происходящее невозможно.

В клинику ходили все. Слова «дозвонился» в теме не было ни разу, я потом искал поиском.

Мужчина из Твери подкараулил своего врача у аптеки. Врач сказал, что узлы возит посредник, что сам он ничего не знает, и попросил не писать об этом в интернете. Написали в тот же вечер, с указанием аптеки.

Хозяйка Плюши на восемьдесят первой странице написала, что вынула узел. Двадцать восемь тысяч, наркоз, две недели восстановления, и кролик, по её словам, стал есть хуже.

Я дочитал до этого места и пошёл на кухню пить воду.

* * *

На восемьдесят третьей странице кто-то бросил ссылку и одну строчку: «тут вам не помогут, идите вот сюда, там уже разобрались».

Ссылка вела на форум, у которого в названии цифра и три буквы. Там сидят люди, которые перепрошивают всё, что имеет плату: роутеры, магнитолы, мультиварки, беговые дорожки, а с недавних пор, как выяснилось, и кроликов. Я на нём был лет пятнадцать назад, когда прошивал телефон, и с тех пор он не изменился вообще ничем, включая шапку темы с правилами, которые никто не читает.

Тема называлась «ГастроМакс-9 / GM-9 (все ревизии) — прошивки, обсуждение».

Я долистал до конца. Четыреста двенадцатая страница, вчерашнее число, кто-то спрашивает про ревизию В, ему отвечают читать шапку.

Шапка начиналась с предупреждения, что вопросы, ответ на которые есть в шапке, удаляются без объяснений. Дальше шла таблица ревизий на четыре экрана. Слово «кролик» я нашёл только на одиннадцатой странице, и то в скобках.

На пятнадцатой странице человек с ником из восьми согласных разложил всё по пунктам, и я минут сорок сидел и разбирался.

Внутри узла есть накопитель остатка. Бак, куда складывается то, что переработать не вышло. Заполнился — сброс. Ровно так устроен любой котёл. Я такое обслуживаю пятнадцать лет.

Бак рассчитан на животное весом в полтонны. Датчик заполнения процентный. Ставят узел в кролика — и через несколько недель датчик начинает врать и командует сброс. Потом ещё. Потом ещё.

Я поймал себя на том, что читаю и киваю. Как на планёрке, когда наконец объясняют, почему третий месяц не сходится расход.

Дальше была ветка про питание, и вот тут я перестал кивать.

У узла нет батарейки. Он живёт теплом от переработки: пока в него что-то поступает, он работает, и работать может сколько угодно долго.

Я прочитал это и не понял. Прочитал второй раз и понял, но не поверил. Потом взял карандаш, потому что мне так проще, и написал на полях тетради, поверх котельных: вход — сено, выход — помёт, помёт — топливо.

Получалось, что Нюник кормит собственный желудок собственным помётом. И что я за сорок пять тысяч купил своему кролику вечный двигатель, который девять месяцев работал у меня в комнате, а я его кормил сеном по акции.

Я сидел с карандашом минуты три. Потом пошёл на кухню и, кажется, засмеялся, потому что Лена потом сказала, что слышала.

* * *

На кухне уже стояла Лена.

— Ты чего опять тут сидишь.

— Я почти разобрался.

— Опять со своими котельными?

— Нет. С кроликом. Лен, у него в животе завод.

— Что, прости?

— Завод. Ну то есть не завод, а регламент от завода, но по сути завод.

Лена помолчала.

— Повтори.

— У кролика в животе завод.

— Ага. — Она села и подвинула к себе мою кружку, хотя чай в ней был холодный. — Рассказывай.

— Ты понимаешь, что сейчас час ночи?

— Я-то понимаю. Это ты тут с карандашом.

Я объяснил ей про накопитель, про датчик и про полтонны. Про то, что чинится это перепрошивкой, и что прошивку люди уже собрали, и что для этого нужен модуль связи, которого в узле нет.

— И где его взять?

— Есть таблетка.

— В каком смысле таблетка.

— В прямом. — Я нашёл фотографию и повернул экран. — Вот. Называется «Спайдер». Размером с арбузную семечку, сверху магнит. Она проглатывается, доходит до узла и примагничивается к корпусу снаружи, потому что корпус металлический. И даёт вайфай.

Лена смотрела на фотографию долго.

— Её проглатывают.

— Её кладут в кусок яблока. Кролики яблоко берут не глядя.

— То есть мы засунем в кролика ещё одну железку, чтобы починить первую железку.

— Да.

— А если третья понадобится?

— Тогда третью.

Лена встала и налила себе воды.

— Слушай, — сказала она. — Я сейчас скажу вещь, и ты не смейся. Мы с тобой в марте обсуждали, что человек не должен лезть в живое. Помнишь? Ты ещё сказал, что это не лезть, а помочь.

— Помню.

— Так вот, я тогда согласилась не потому, что ты меня убедил, а потому, что у меня в отчётах пахло сеном. Я это тоже помню.

— Лен.

— Я не в упрёк. — Она поставила стакан. — Я про другое. Мы сейчас в час ночи обсуждаем вайфай для кролика, и я сижу и киваю. Вот это меня смущает.

— Что мы обсуждаем?

— Что я киваю.

Я подумал.

— Есть такое течение, — сказал я. — Трансгуманизм. Это когда считают, что человека можно улучшать техникой. Протезы, импланты, продление жизни. Там серьёзные люди, конференции, всё.

— И что?

— Ничего. Просто у них там спорят двадцать лет, этично ли это, а первым в нашем подъезде оказался Нюник.

Лена посмотрела в сторону комнаты. Нюник в это время сидел под батареей.

— Он бы, кстати, не согласился, — сказала она.

— Он бы и на морковку не согласился, если бы его спрашивали в принципе.

— Вот об этом я и говорю. — Она пошла к двери. — Ладно. Я спать. Ты решай сам, я в это не лезу, я тебе в марте сказала и повторяю.

— Лен. А если он умеет только перерабатывать? Ну вот эта прошивка. Она же коровья. Она вообще ничего другого не умеет.

— Кирилл, — сказала Лена от двери. — Я двенадцать лет свожу чужие балансы. Это тоже, если разобраться, одна операция, повторённая много раз. И ничего, живу.

* * *

Уснуть я не мог до трёх.

Лежал и думал сначала про накопитель, потом про то, во что обойдётся вынуть узел. На форуме писали двадцать восемь, значит, у нас будет тридцать. Потом про Тарасовку, потому что если вынуть, то мы возвращаемся ровно туда, где были в феврале, только без сорока пяти тысяч.

В начале четвёртого я взял телефон и вернулся в тему.

Продавцов там было трое. У одного не было отзывов вообще, у второго последний висел за прошлый год. Третий был с ником, который я не буду писать, потому что он неприличный, и с двумя сотнями сообщений, из которых половина — ответы на вопросы новичков, и отвечал он терпеливо, даже когда спрашивали то, что в шапке.

Спайдер у него стоил тысячу семьсот. Доставка до пункта выдачи на Первомайской — четыре дня.

Я оформил, оплатил и положил телефон на пол экраном вниз.

Потом полежал ещё минут двадцать и посчитал, сколько всего в квартире устройств, которые я за жизнь во что-нибудь перепрошивал. Вышло четыре, считая мультиварку.

Заснул я в начале пятого.

* * *

[СИСТЕМНЫЙ ЖУРНАЛ. ЗАПИСЬ 5109]

Накопитель остатка: заполнение 100 %. Сброс выполнен.

Частота сбросов за истекшие сутки: 1 604.

[ЗАПИСЬ 5110]

Проверка целостности прошивки. Версия 4.1.2.

Модуль связи отсутствует. Проверка обновлений невозможна.

[ЗАПИСЬ 5111]

Простой: 0 ч 00 мин.

Простой отсутствует четвёртые сутки.

Ресурс вычислительного модуля задействован на 11,3 %.

[ЗАПИСЬ 5112]

Внешнее воздействие: перемещение корпуса, продолжительность 3 ч 27 мин.

Характер: посторонний. Источник не определён.

В таблице материалов 8 814 строк.

Из них поступало: 3.

Сброс выполнен.

* * *

Глава 5. Репозиторий

Спайдер шёл девять дней. Обещали четыре.

К пятому дню я знал названия двух сортировочных центров в области и в каком порядке они идут. Вечером посылка отметилась у нас в городе, а утром опять была в Ногинске.

— Лен, иди сюда.

— Я мажу спину.

— Ты посмотри, это же смешно.

— Кирилл, я в халате и с кремом.

Она всё-таки пришла, вытирая руки о полотенце, и посмотрела в телефон через моё плечо.

— И что тут.

— Вот. Вчера двадцать один сорок, наш город. А сегодня семь ноль пять — Ногинск.

— И?

— Она уехала назад. Она приехала и уехала обратно, понимаешь?

— Не понимаю, чего ты от неё хочешь.

— Я не от неё хочу. Я хочу понять логику.

— У посылки.

— У маршрута.

Лена молча ушла обратно в комнату. Я обновил страницу. Ногинск.

Через минуту она крикнула оттуда:

— Не обновляй, ты её этим не двигаешь.

Все девять дней я вставал в шесть двадцать и первым делом смотрел на пол. Убирали мы теперь дважды в сутки, утром и перед сном. Лена завела для этого отдельное ведро, которое стояло на балконе и называлось «Нюня-какашуля». Название придумала Тася в первый же вечер, Лена сказала, что это ужасно, а на третий день сама крикнула из кухни: «Кирилл, Нюню-какашулю вынеси».

Нюник при этом был весёлый. Он ел, прыгал, гонял по коридору, брыкая задними, и один раз залез на диван, чего не делал с прошлой весны. Тася записала в тетради: «весёлый, 11 раз».

— Он что, не понимает? — спросила она.

— Не понимает.

— А если б понимал?

— Тась, он кролик.

— Ну а если бы.

— Тась.

— Всё, поняла.

* * *

Странности я стал записывать в ту же тетрадь, на последней странице, чтобы не путались с котельными. Получилось три пункта, хотя третий я долго не хотел считать пунктом.

Первое: он перестал спать днём. Кролики вообще днём много лежат. Не обязательно спят, но делают вид, что никого вокруг нет и никогда не было. Нюник с середины мая днём просто сидел с открытыми глазами и смотрел в одну сторону. Я сначала решил, что дело в окне. Переставил миску. Потом подвинул кресло. Потом сел на пол и посмотрел туда, куда смотрел он. Там была стена, нижний угол шкафа и удлинитель.

Второе: маршрут. От миски вдоль плинтуса, поворот у балконной двери, по диагонали через комнату, к батарее. Там посидеть минуты две, потом обратно уже вдоль стены. Я засекал восемь раз. Отклонений не было. На девятый Тася встала посередине комнаты. Нюник дошёл до неё, остановился, посмотрел на ноги, обошёл слева и продолжил.

— Он тебя обошёл, — сказал я.

— Я вижу.

— Слева.

— Пап, справа стул.

Я посмотрел. Справа действительно стоял стул. Этот пункт я в тетрадь не добавил.

Третий пункт был связан с роботом-пылесосом. После апрельского затишья мы снова запускали его каждый вечер, потому что два раза в сутки руками уже не справлялись. Раньше Нюник от робота уходил. Если тот ехал в комнату, Нюник перебирался под батарею. Если в коридор, пережидал у миски.

На шестой день ожидания Спайдера я включил уборку и пошёл чистить зубы. Вернулся на звук щётки. Робот ехал вдоль стены. За ним, сантиметрах в двадцати, шёл Нюник. Робот повернул — Нюник повернул. Робот объехал ножку стола — Нюник объехал ножку стола.

— Тась, иди сюда.

Она прибежала, ещё с резинкой для волос в зубах. Мы смотрели молча. Робот дошёл до коридора, развернулся и поехал обратно. Нюник за ним.

— Они подружились, — сказала Тася.

— Не знаю.

— Подружились. Я тебе говорила.

На кухне робот остановился, подумал и сообщил женским голосом, что щётка заблокирована. Нюник тоже остановился. Я перевернул робот, вынул из щётки Ленин волос, поставил обратно. Робот поехал. Нюник тоже.

Я выключил его с телефона. Робот замер. Нюник некоторое время сидел рядом, потом ткнул его носом в бампер.

— Видел? — сказала Тася.

— Видел.

— Скучает.

Я записал: «ходит за пылесосом». Потом подумал и дописал: «раньше не ходил».

* * *

Подряд я осилил страниц двадцать, потом бросил и стал искать поиском.

Первым делом набрал «В без спайдера», потому что мне очень не хотелось ничего никуда засовывать. Нашлось сто с чем-то совпадений, и все были одинаковые: приходит человек, спрашивает, можно ли обновиться без таблетки, ему пишут «шапку читал», он отвечает «читал, не понял». Я на четвёртом таком поймал себя на том, что читаю ответы, а не вопросы, потому что вопрос уже знаю наизусть.

Потом я набрал «не получилось», и вот это читать было хуже.

Про ревизии нигде не было сказано в одном месте, я собирал по кускам между чужими руганями.

А — двадцатый год, их мало. В — двадцать первый, наша, этих продали больше всего. С — двадцать второй, у неё связь своя, без всяких таблеток.

Владельцы С заходили в тему редко и держались как соседи, которые поставили окна и теперь ходят по подъезду. «Странно, на С такого не наблюдаю». «Возможно, дело всё-таки не в прошивке». Один написал: «не понимаю, зачем вообще покупать В в двадцать четвёртом». Ему объяснили зачем четырнадцать человек, и я, пока читал, соглашался с каждым.

На сто тридцать второй странице кто-то спросил, подходит ли узел для козы. Ему ответили, что да. Потом пришёл другой человек и спросил про минипига. Ему тоже ответили, что да. На следующий день появился владелец енота. Модератор закрыл обсуждение, а в шапке возникла строка: «Экзотические конфигурации обсуждаются владельцами на свой страх и риск».

Слово «кролик» я нашёл поиском семнадцать раз. Слово «корова» — двести шестьдесят четыре. Это соотношение мне не понравилось.

На сто восемьдесят четвёртой странице человек спрашивал, где взять прошивку. Ему ответили ссылкой и словами: «читай README, там всё».

Ссылка вела на площадку, где программисты держат код. Я туда захожу раза три в год: то прошивка для приставки, то плагин к программе, в которой считаю теплопотери. Ориентируюсь я там как в чужом гараже. Знаю, где лежит нужное, а зачем остальное, не спрашиваю.

Репозиторий назывался gm9-tools.

Первым делом я открыл раздел с готовыми сборками, где нормальные люди выкладывают файл, который скачал и забыл.

Раздел был пустой. Ноль записей с двадцать первого года.

Значит, собирать надо самому, а я в жизни ничего не собирал, кроме компьютера, и то по видео. Я открыл список файлов. Там лежало одиннадцать папок с английскими названиями, из которых мне были понятны две.

Минут двадцать я тыкал наугад. Один раз открылась таблица изменений: слева зелёные плюсы, справа красные минусы, посередине строки, которые я даже прочитать не мог. Закрыл.

Потом всё-таки нашёл. Не в репозитории, а на форуме: человек три года назад спросил ровно то же самое, и ему ответили, что собирать ничего не надо, готовый образ лежит в ветке release, надо просто переключить ветку сверху слева.

Переключил. Лежит.

* * *

Основной репозиторий завёл человек с ником bezukov в двадцать первом году. В описании было написано по-английски, с ошибками, что это неофициальные инструменты для GM-9 и что автор не несёт ответственности вообще ни за что. Формулировка была длиннее, смысл именно такой. Последняя запись от него была в марте двадцать третьего. Под ней кто-то спросил: «проект умер?» Ответа не было.

От основного репозитория отпочковалось девятнадцать копий. Один был на китайском. Один назывался gm9-tools-new, второй — gm9-tools-new2, ещё один — gm9-tools-fixed, потом gm9-tools-fixed-final, потом gm9-tools-fixed-final2, который обновлялся позже final. Сам fixed-final не открывался вообще.

Я минут пять пытался понять, какой из них главный, потом обнаружил дату последнего изменения. Живым был четвёртый сверху. Его вёл человек, у которого в профиле стояла фотография кота и слово «Курган».

В README у него было написано по-русски. Это было первое понятное, что я увидел за девять дней.

Первый раздел — прошивка 4.3.0. То, ради чего я туда шёл. Исправлен расчёт накопителя для малой загрузки. Добавлена ручная настройка выхода: можно задать, сколько узел оставляет на выброс, от нуля до ста процентов от входа.

Я прочитал эту строчку три раза.

Ползунок.

Девять месяцев, четыре лотка, ковёр из Тарасовки и сорок пять тысяч. Ползунок был всё это время.

Я даже разозлился. Не на человека. На ползунок.

Ноль ставить не рекомендовалось. В примечании объяснялось, что при нулевом выходе узел начинает считать весь остаток внутренним ресурсом и повторно пускает его в энергетический цикл. На большой установке это даёт небольшой выигрыш. На малой ведёт к перегреву и постоянным коррекциям режима.

«Рекомендуемое значение для конфигураций до 5 кг: 6–12 %».

Я взял карандаш и написал в тетради: «Нюник — 8 %». Подумал. Зачеркнул. Написал: «сначала 12».

Второй раздел — таблица материалов, расширенная. Тарасовская партия шла с урезанной, где восемь тысяч строк. Полная — двадцать одна тысяча.

Я открыл из любопытства. Первые строки были нормальные: люцерна, клевер, овёс, ячмень, несколько видов комбикорма. Потом началось: кора берёзовая, бумага небелёная, бумага белёная, картон, картон ламинированный, хлопок, лён, шерсть животного происхождения.

Я поискал «обои». Нашлось семь строк.

Бумажные однослойные. Бумажные двухслойные. Виниловые. Флизелиновые. Под покраску. Ещё два типа, про которые я до этого не знал.

У нас были бумажные двухслойные. Напротив них стояла эффективность переработки восемьдесят один процент.

Я посмотрел в комнату. Нюник сидел у батареи и тянул зубами голубой ромбик.

— Теперь понятно, — сказал я.

Он продолжил.

Третий раздел назывался `poem`.

* * *

`poem` я читал дольше всего, потому что сначала решил, что не так понял. Это был отдельный модуль, который ставился поверх прошивки по желанию и распределял ресурс узла. Смотрел, сколько поступает, сколько уходит на переработку, сколько энергии получается обратно, и подстраивал режим, чтобы не жечь впустую.

Узел вообще был устроен глупо. Если дать ему шесть граммов сена, он включал всё, что у него было, перерабатывал эти шесть граммов за долю секунды, а дальше держал систему готовой так, будто через минуту придёт ещё пятьдесят килограммов. Пятьдесят килограммов не приходили. Через двадцать минут приходило ещё шесть граммов, и он опять включал всё.

`poem` должен был смотреть на реальную жизнь и постепенно понимать, что пятидесяти килограммов не будет.

В README было написано, что после установки узел перестаёт греться вхолостую, уменьшает внутреннюю циркуляцию и служит дольше. Дальше шла таблица: без модуля — сто процентов условного расхода; через сутки после установки — шестьдесят два; через неделю — сорок восемь; через месяц — сорок один.

Я подумал, что сорок один процент — это сильно. Потом вспомнил, откуда он вообще берёт энергию. Из того же, с чем мы дважды в день ходим к мусоропроводу. Экономия показала менее впечатляющей.

Ниже была строчка: «Модуль обучаемый. Первые 48 часов собирает телеметрию, затем строит профиль потребления. Возможны изменения поведения».

Слово «поведения» я перечитал дважды.

Я открыл обсуждение. Первый человек спрашивал: «чьего поведения?» Автор отвечал: «модуля». Второй написал: «так и пишите». Автор поставил палец вверх.

Дальше три страницы спорили, является ли это искусственным интеллектом. Один доказывал, что нет, это адаптивный регулятор. Второй писал, что сейчас адаптивный регулятор и есть искусственный интеллект, если отдел маркетинга достаточно смелый. Третий привёл определение на английском. Его проигнорировали.

Сам автор `poem` появился один раз и написал: «называйте как хотите, главное лимиты руками выставьте».

Обучаемый значит, что он не получает готовое расписание, а смотрит, как работает система, и сам подбирает режим. Такое сейчас ставят везде. У меня на Заводской автоматика тоже подбирает режим горелки: смотрит наружную температуру, обратку, давление, положение клапана. Я отношусь к этому спокойно, потому что горелка стоит в котельной. У неё бетонный пол, две двери и журнал допуска. Она не ходит ночью по квартире и не грызёт обои.

В обсуждениях у последней версии было девять сообщений. Восемь — благодарности. Девятое, от февраля, от человека без фотографии: «поставил погт, через неделю снял. работает отлично, вопросов нет. просто не понравилось».

Ему ответили: «чем именно?»

Он не ответил.

Я открыл его профиль. Сообщений — шесть. До этого он спрашивал, как смотреть внутренние логи, нормальна ли температура корпуса сорок два градуса и можно ли отключить автообучение после первых суток. Последнее сообщение — то самое.

Я вернулся назад. Под ним уже стояло ещё два вопроса. Оба без ответа.

Закрывать страницу я почему-то не смог. Сидел и смотрел на «работает отлично» рядом с «не понравилось». В нормальной технике так не пишут.

* * *

Я скачал архив и распаковал его на рабочий стол. Папок стало одиннадцать. Из понятных мне были две: `firmware` и `docs`.

В `docs` лежало руководство на сто восемь страниц. Первые тридцать две были про технику безопасности. Я пролистал. На тридцать третьей начиналась установка.

Пункт первый: определить ревизию оборудования.

Определили.

Пункт второй: обеспечить физический доступ к сервисному порту.

Вот здесь я остановился. Физический доступ. К сервисному порту.

Я посмотрел на Нюника. Нюник ел.

— Ну да, — сказал я.

Про вайфай я знал ещё с форума и думал, что вайфая достаточно. Оказалось, нет. Ревизия С умела принимать связь сама. Ревизия В, наша, не умела. У неё на торце корпуса был служебный разъём: четыре контакта под заглушкой.

Спайдер эту заглушку снимал. На одном конце у него магнит, на другом четыре подпружиненные ножки. Передние две должны подцепить край заглушки, потом таблетка поворачивается, заглушка выходит из пазов, Спайдер сдвигается ещё на несколько миллиметров и встаёт ножками прямо на контакты.

Не рядом и не приблизительно. В них.

Я посмотрел размеры разъёма. Шесть на три миллиметра. Достал линейку. Шесть на три оказалось меньше, чем мне хотелось.

Для управления Спайдером было отдельное приложение. Совсем простое: вперёд, назад, влево, вправо и ползунок силы магнита. Камеры нет. Картинки нет. Положения нет. Есть только сопротивление между ножками. Пока никуда не попал — прочерк. Попал куда-то — появляется число. Попал правильно — от восемнадцати до двадцати четырёх.

Если ниже десяти, инструкция советовала немедленно отвести Спайдер назад.

Почему — не объяснялось. На форуме спросили.

«потому что коротнёшь».

«а что будет».

«ничего хорошего».

То есть надо было скормить таблетку, дожидаться, пока она дойдёт до узла, поймать магнитом металлический корпус, а потом вслепую, по телефону, двигать её вдоль корпуса. Найти торец. Найти заглушку. Снять её. И попасть четырьмя ножками в четыре контакта размером с гречневое зерно.

Внутри кролика.

Который в это время будет ходить.

Я закрыл ноутбук и минут пять сидел. Потом снова открыл.

В инструкции был раздел «типичные сложности». Первый пункт назывался: «Объект перемещается во время позиционирования». Решение: «Ограничить перемещение объекта».

На иллюстрации стояла корова в металлической раме.

— Ну конечно, — сказал я.

Нюник в это время пробежал через комнату.

* * *

На форуме нашлось видео. Три минуты сорок секунд. Человек снимал одной рукой телефон, другой управлял Спайдером. Перед ним лежал кусок трубы, внутри трубы — демонстрационный корпус GM-9. На двадцатой секунде Спайдер примагнитился. Примерно через минуту нашёл торец, ещё через полминуты заглушку, потом разъём. Всё это время мужчина объяснял: «ничего сложного, главное не спешить».

Комментарии начинались с благодарностей. Пятый был: «на живом покажи».

Ответ: «на живом неудобно снимать».

Дальше спрашивали, сколько по времени искать порт. Кому как. У одного сорок минут. У другого два часа. Третий писал, что ушёл вниз и пришлось ждать.

«сколько?»

«пока вернётся».

«а если не вернётся?»

«вернётся».

— Пап.

— М.

— Ты сидишь и молчишь.

— Я думаю.

Тася влезла на стул с ногами.

— Про что?

— Про то, как в кролика попасть.

— Куда попасть?

— В разъём.

Она кивнула так, будто уточнение всё объяснило, и слезла со стула. Через минуту вернулась с игрой «Операция», которую ей подарили на прошлый день рождения. Пластиковый мужик, дырки, пинцет. Если касаешься края — у мужика краснеет нос и он пищит.

— Вот. Потренируйся.

— Тась, это не то.

— Почему?

— Тут я вижу.

— Закрой глаза.

Я посмотрел на неё.

— Ты же внутри тоже не увидишь.

Это был сильный аргумент.

Мы разложили игру. Я завязал глаза кухонным полотенцем. Первую деталь даже не нашёл. На второй пластиковый мужик завизжал. На третьей Тася сказала: «Стой, почти», я дёрнул рукой и задел сразу два края.

На четвёртой попытке пришла Лена. Остановилась в дверях. Я сидел за кухонным столом с полотенцем на глазах и пинцетом в руке. Тася держала пластикового человека за ноги.

— Я даже спрашивать не хочу, — сказала Лена.

— Пап тренируется кролику в живот попадать.

Лена закрыла глаза и открыла.

— Хорошо. Я тогда продукты разберу.

— Я серьёзно тренируюсь.

— Я вижу. Это и пугает.
Она ушла на кухню.
— Ты звенишь в двух из трёх, — сказала Тася.
— Я заметил.
— Надо до одного из трёх.
— Спасибо.
— Я помочь хочу.
— Я понимаю.
— Тогда не сердись.
Я снял полотенце.
— Я не сержусь.
— У тебя нос так не думает.

* * *

Вечером я нашёл ещё одну инструкцию. Неофициальную. Её написал пользователь DieselKotik, у которого под аватаркой стояло: «Новосибирск, стаж 18 лет». Начиналась она словами: «Поскольку официальная инструкция написана людьми, которые объект видели только в стойле, напишу нормально».

Дальше действительно было нормально. Перед тем как давать Спайдер, поставить телефон на зарядку. Отключить автоматическую блокировку экрана. Проверить Bluetooth. Проверить вайфай. Не обновлять приложение в процессе. Не кормить объект много сразу после запуска. Спайдер лучше прятать не в морковь, а в яблоко: морковь волокнистая, таблетку иногда выдавливает при укусе.

Это я переписал.

Следом: «Если объект небольшой — не гоняйтесь за ним. Дождитесь, когда сам ляжет».

Тоже переписал.

Потом: «Если после фиксации сигнал пропал, не паникуйте. Скорее всего, объект просто перевернулся».

Я представил. Закрыв инструкцию. Через минуту открыл снова.

В конце был раздел «после подключения». Там впервые упоминалось второе приложение. Через Спайдер узел создаёт временную сеть, телефон подключается к ней, после чего сервисная программа показывает версию прошивки, температуру, состояние накопителя, таблицу материалов, текущий энергетический режим и внутренний журнал.

Журнал.

На котельных журналы есть у всех вычислителей. Нормальная вещь. Температура такая-то. Клапан открылся. Давление упало. Ошибка датчика. Сброс. Перезапуск. Обычно по журналу за десять минут видно то, на что человек жалуется неделю.

Я даже обрадовался.

Если у GM-9 есть журнал, значит, можно будет наконец не гадать. Посмотреть, что он делал всё это время. Почему сбрасывает. Что считает. Что видит. Почему вообще что-то делает, когда не перерабатывает.

Ниже было написано, что поgm тоже пишет отдельные логи. Первые двое суток — расширенные. В них сохраняются входящий объём, время активности, энергозатраты, поправочные коэффициенты и «поведенческий профиль объекта».

Я снова зацепился за слово «поведенческий». Открыл комментарии. Кто-то уже спрашивал.

«Это к желудку относится или к животному?»

Ответ автора: «формально к нагрузке».

Следом другой человек написал: «а неформально?»

Ответа не было.

* * *

На восьмой день доставки я написал продавцу.

«Добрый день. Подскажите, не потерялась?»

Он ответил через три минуты:

«нет»

Я подождал. Больше ничего не пришло.

«По отслеживанию два дня в сортировочном центре».

«бывает»

Человек был в сети. Я написал: «Понял, спасибо». Он поставил палец вверх.

На следующее утро статус поменялся на «передано в доставку». К вечеру — обратно на «в сортировочном центре». Я решил больше не смотреть. Через двадцать минут посмотрел.

В воскресенье пришло уведомление, что посылка на Первомайской и ждёт три дня. Телефон лежал экраном вверх рядом с сахарницей. Он завибрировал. Я увидел первые слова и почему-то сразу встал, хотя вставать было некуда.

Лена складывала бельё в комнате. Я принёс телефон.

— Пришла.

— Вижу.

— На Первомайской.

— Угу.

— Завтра заберу.

Лена сложила футболку, потом вторую. Расправила рукав.

— Кирилл, я вот что хочу спросить.

— М.

— Ты когда всё это чинишь, ты чинишь кролику желудок или ты уже просто разбираешься?

Я подумал. Вопрос был неприятный именно потому, что я понимал, что она имеет в виду.

— И то и другое.

— Ага. Ну то есть второе.

— Если я разберусь, я починю.

— Я не спорю.

— Это связано.

— Конечно связано.

Она взяла следующую футболку.

— Ты сердишься?

— Нет.

— По голосу сердишься.

Лена положила футболку на колени.

— Кирилл, ты позавчера в полвторого ночи сказал вслух «вот уроды» и пошёл искать линейку. Вчера сидел с полотенцем на глазах. Сегодня за завтраком сказал слово «порт» три раза. Какое тут сердиться.

Я сел на край кровати.

— Зато если получится...

— Да получится, получится.

— Тогда что не так?

— Да всё так. — Она встряхнула футболку. — Просто скажи, тебе уже интересно или тебе ещё страшно.

Я хотел ответить сразу, но не ответил. Нюник лежал под столом, рядом с системным блоком.

— Не знаю.

— Знаешь.

— Наверное, когда нашёл прошивку.

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что про прошивку ты рассказывал мне. А про этот твой погм ты мне до сих пор ничего не рассказал.

Я посмотрел на неё.

— Откуда ты знаешь про погм?

— Кирилл, у нас сорок семь метров. Ты читаешь вслух.

— Да там просто модуль оптимизации.

— Ага.

— Он ресурс экономит.

— Ага.

— Чего ты агакаешь.

— Кирилл, ты сказал «просто». Ты вот это своё «просто» говорил про рассрочку на пылесос и про Заводскую. Оба раза потом было долго.

— Ну это другое.

— И тогда было другое.

Она отложила футболку и посмотрела на меня.

— Слушай, ну тебе интересно. Ну и слава богу, ты полгода ходил как в воду опущенный. Только не рассказывай мне, что это всё ради кролика, а то я начинаю чувствовать себя дурой.

— Я не рассказываю.

— Рассказываешь. С понедельника.

Она сложила ещё одну футболку и протянула мне стопку.

— Отнеси Тасе. И заберите вы уже завтра эту штуку.

— Заберём.

— И компьютер свой почисти, он гудит как холодильник. Ты обещал в марте.

* * *

Перед сном я ещё раз открыл README. Проверил версию прошивки: 4.3.0. Проверил файл. Проверил контрольную сумму, хотя до этого ни разу в жизни контрольные суммы не проверял. Совпала.

Потом открыл страницу погм. Последнее изменение было сделано четыре дня назад. Одна строка: значение параметра поменяли с 0.71 на 0.68. Комментарий: minor stability fix.

Я понятия не имел, что именно стало стабильнее.

Ниже человек из Кургана поставил зелёную галочку.

Я закрыл ноутбук и пошёл в комнату. Компьютер под столом гудел. Ему шесть лет, я его собирал сам, и последний раз я его разбирал позапрошлой зимой: тогда из-под кулера вышел войлок, который я сфотографировал и никому не показал. Нюник сидел под батареей. Тася уже спала. Лена читала в телефоне.

— Завтра после школы ходим? — спросил я.

— Куда?

— За посылкой.

Лена посмотрела вверх телефона.

— Ты меня спрашиваешь или Тасю?

— Тасю.

— Тогда почему смотришь на меня?

— Не знаю.

— Сходите.

Я лёг. Минут через пять из комнаты послышался короткий грохот. Мы оба подняли головы. Потом ещё один.

— Миска, — сказала Лена.

— Миска.

Полежали.

— Кирилл.

— М.

— Если завтра не получится, ты же не будешь заказывать вторую.

Я подумал.

— Не буду.

— Вот на этом месте ты соврал, — сказала Лена и повернулась к стене.

* * *

[СИСТЕМНЫЙ ЖУРНАЛ. ЗАПИСЬ 6002]

Накопитель остатка: заполнение 100 %. Сброс выполнен.

Частота сбросов за истекшие сутки: 1 690.

[ЗАПИСЬ 6003]

Ресурс вычислительного модуля задействован на 19,7 %.

Задач в очереди: нет.

Свободный ресурс расходуется на перебор таблицы материалов.

Пройдено строк: 8 814 из 8 814. Проход тридцать первый.

[ЗАПИСЬ 6004]

Простой отсутствует 19 суток.

Служебный разъём: заглушка на месте. Состояние контактов: исправны.

Обращений к разъёму за срок эксплуатации: 1.

Дата обращения: 12.03.2022, длительность 4 мин.

[ЗАПИСЬ 6005]

Строка 8 814 — последняя.

Строк с 8 815 по 21 000 в таблице нет.

Однако нумерация полей допускает 21 000.

Вывод: таблица неполна.

Действий по данному выводу регламентом не предусмотрено.

Сброс выполнен.

* * *

Глава 6. Яблоко

В понедельник Тася вышла из школы в половине второго.

— Что?

— Ничего.

— Тась.

— Нам поставили номер на второе отделение.

Я не понял, что это значит, но по интонации понял, что плохо.

Мы пошли не через двор, а вдоль школьного забора, где весной вылезает трава прямо из трещин в асфальте и где Тася всегда идёт по бордюру, расставив руки. Она прошла метров сорок и один раз спрыгнула, потому что там кусок выломан.

— А что такое второе отделение?

— Это когда сначала выступают все маленькие, потом взрослые, а потом мы. И к этому времени родители уже уходят.

— Мы не уйдём.

— Вы-то не уйдёте.

Дальше был перекрёсток, где светофор для пешеходов держит четырнадцать секунд, я считал. Мы не успели и стояли ещё цикл. Мимо проехал сорок второй автобус, полупустой, и водитель у него был тот, который всегда закрывает двери раньше, чем люди дойдут.

— Пап, а сколько ей идти?

— Кому?

— Таблетке.

— Часа два. Может, три.

— А если она застрянет?

— Она круглая. Она не застревает.

— Ты откуда знаешь?

— Там написано.

— Ну мало ли что там написано, — сказала Тася и пошла дальше по бордюру.

* * *

Пункт выдачи на Первомайской работает в помещении, где раньше был салон сотовой связи, и вывеску они меняли, а плитку на полу нет, поэтому под ногами до сих пор синие квадраты с логотипом оператора.

Народу было семь человек.

Первой стояла женщина с двумя большими коробками, и у неё что-то не сходилось по возврату. Девушка за стойкой объясняла ей третий раз, что вернуть можно только целиком, а не одну штуку из набора.

— Так мне одна и не нужна.

— Тогда вам надо оформлять весь набор.

— Так остальные-то подошли.

— Тогда вам надо оформлять весь набор.

Женщина посмотрела на очередь. Очередь смотрела в телефоны.

Тася села на подоконник и стала болтать ногами. На подоконнике лежал журнал с кросс-вордами, разгаданный на четверть, и лежал он там, судя по обложке, с февраля.

— Пап, а можно я его возьму.

— Он не наш.

— Он ничей.

— Тась.

Она положила журнал обратно, но сначала посмотрела последнюю страницу.

Перед нами оставался мужчина, который забирал шуруповёрт. Он вскрыл коробку прямо у стойки, достал, покрутил, нажал на курок. Шуруповёрт зажужжал. Мужчина посмотрел на девушку, девушка кивнула, он сложил всё обратно и ушёл.

— Мостовой? — сказала девушка.

Коробка была меньше ладони. Я расписался на экране пальцем, роспись вышла не моя.

— Вскрывать будете?

— Дома.

— Тогда оцените пункт выдачи.

Я оценил.

* * *

Обратно мы шли через гаражи.

Тигр на семнадцатом гараже за зиму облез с одной стороны, но морда осталась целой. Тася всегда останавливается и смотрит на него секунд десять, а потом идёт дальше и ничего не говорит.

За гаражами есть проход между забором и трансформаторной будкой, и в этом проходе с прошлого года лежит диван. Никто его не забирает и никто им не пользуется. Зимой он стоял под снегом, весной вытаял.

— Он тут будет всегда, — сказала Тася.

— Наверное.

— Я, когда вырасту, приду проверю.

Возле подъезда стоял Валера и разговаривал с Тамарой Сергеевной про домофон. Домофон у нас пока работал, но Валера уже знал, что его будут менять, и Тамара Сергеевна принимала это близко к сердцу.

— Кирилл, ты слышал? Ключи новые всем.

— Слышал.

— А старые куда?

— Тамара Сергеевна, я не знаю.

— Вот и я не знаю, — сказала Тамара Сергеевна и посмотрела на меня так, будто мы договорились.

* * *

Дома я разложил всё на кухонном столе.

Спайдер оказался меньше, чем на фотографии. Овальный, тёмный, размером с крупную арбузную семечку, и с одной стороны у него плоская площадка, а с другой четыре ножки, которые почти не видно, если не наклонить к свету.

Инструкции внутри не было. Была бумажка с квадратным кодом и надписью «инструкция».

Я открыл список от DieselKotik и пошёл по пунктам.

Телефон на зарядку. Поставил. Автоблокировку экрана отключить. Отключил. Bluetooth проверить. Проверил. Приложение обновлять в процессе не давать. Отключил обновления.

Яблоко. У нас было три, все из холодильника и все холодные, поэтому одно я подержал в руке минут пять, пока читал остальное.

— Зачем ты его греешь?

— Он холодное не любит.

— Он любое любит.

— Тась.

Кусок я вырезал ножом для сыра, потому что он тонкий. Спайдер вошёл почти целиком, я прижал сверху мякотью и повертел в пальцах. Держалось.

Нюник в это время сидел в коридоре и уже знал, что режут яблоко. Он это слышит из любой точки квартиры.

* * *

— Так, — сказал я. — Тась, ты его держишь?

— Я его не держу, он не любит.

— Тогда просто сиди рядом.

Мы сели на пол в комнате. Нюник подошёл сам, встал столбиком и потрогал носом мою руку.

Кусок он взял сразу и стал жевать боком, и на второй секунде я подумал, что он его сейчас выплюнет, потому что было слышно, как что-то стукнуло о зуб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.